

Второй господин Шэнь поднял голову и бросил на Шэнь Хэцзюя взгляд, от которого тот продрог до костей. На мгновение Шэнь Хэцзюю показалось, что Второй господин Шэнь хочет его убить.

— Уходи, — в конце концов произнес лишь эти три слова Второй господин Шэнь.

Шэнь Хэцзюнь поднялся, кивнул Второму господину Шэню и с жалким видом выбежал из комнаты, а на его лбу даже выступила испарина.

Выбравшись из ресторана, он всё еще не мог отделаться от страха. В тот миг Шэнь Хэцзюю действительно казалось, что Второй господин Шэнь намерен лишить его жизни. Каким бы ни было его происхождение и состоял ли он в кровном родстве со Вторым господином Шэнем, в молодости этот человек славился своей жестокостью, и так называемые родственники в его глазах, пожалуй, не стоили ломаного гроша.

Увидев, что Шэнь Хэцзюнь ушел, дворецкий, на лице которого обычно застывало мягкое выражение, слегка замялся:

— Второй господин, молодой господин еще мал, и то, что он не разглядел людей, — вполне нормально. Через пару лет он все поймет.

Второй господин Шэнь хранил молчание. Он прекрасно знал все, что У Мин делал за последний год; он знал каждое сказанное им слово и каждого человека, с которым тот встречался. Добиваясь понравившихся или важных вещей и людей, тот всегда прибегал к изощренным методам — точно так же, как он сам, когда много лет назад только вышел из Клана Шэнь. Тогда он пытался отвоевать партию товара, но потерпел неудачу, и тогда он просто велел уничтожить этот груз. Разве не просто заставить исчезнуть то, чему не положено выходить на свет?

Подобных примеров было не счесть. Он не боялся смерти и умел действовать безжалостно, благодаря чему и достиг нынешнего положения.

— Забрался ко мне в постель ради того, чтобы встать с ним на один уровень... Любовь с первого взгляда — лишь способ использовать меня... Он не любит меня... — бормотал Второй господин Шэнь. Выражение его лица казалось уставшим, и лишь спустя долгое время он закрыл лицо руками, словно испытывая боль.

— Второй господин, не терзайте себя так, поберегите здоровье. Если он вам не мил, в мире найдется немало других людей, — мягко уговаривал дворецкий. Он знал, как глубоко Второй господин Шэнь привязан к У Мину, ведь за все эти годы рядом с ним был только У Мин.

— Я что, слишком потворствовал ему? — повернув голову, спросил Второй господин Шэнь, и в его голосе не было ни капли тепла.

Дворецкий поджал губы и не смел ответить.

Где он сейчас? — лицо Второго господина Шэня стало намного спокойнее, но тон оставался зловещим.

Дворецкий понял, что Второй господин Шэнь действительно разгневан, и поспешно отдал знак отследить местонахождение У Мина.

У Мин предъявлял высокие требования к обуви, поэтому каждая пара изготавливалась на заказ

— абсолютно каждая.

— Вернулся в небоскреб Синху, — взглянув на красную точку, тихо произнес дворецкий.

— Поехали к небоскребу, — бесстрастно бросил Второй господин Шэнь.

Тем временем У Мин, выбравшись из ресторана, тоже почувствовал неладное. Перед ним лежало всего два пути: либо пуститься в бега и еще сильнее разозлить Второго господина Шэня, либо покорно вернуться к нему, признать свою слабость и объясниться.

Какой бы путь он ни выбрал, ему предстояло столкнуться с гневом Второго господина Шэня, а мазохистических наклонностей у него, по правде говоря, не было.

[Сдаешься?]

Я же говорил, что не проиграю, поэтому решил бежать. Вернусь, когда он немного остынет, и тогда мы всё выясним.

[Почему?]

Настоящая любовь требует стопроцентного доверия. У него есть секреты от меня, а у меня — от него. Я делаю это для того, чтобы в момент объяснения завоевать еще больше доверия.

[Надеюсь, твой побег увенчается успехом.]

Разумеется, я не дурак.

У Мин прямо на ходу сбросил туфли и велел подчиненным отвезти их обратно в небоскреб Синху, а сам бросился к аэропорту.

Поначалу У Мин не замечал ничего подозрительного в обуви, однако его ступни были чувствительнее, чем у обычных людей, — иначе он бы не предъявлял столь завышенных требований. Как-то раз, прогуливаясь, он нечаянно пнул носком ботинок и ощутил в подошве легкое несоответствие, которое обычный человек вряд ли бы заметил.

С тех пор У Мин стал внимательнее присматриваться к вещам и обнаружил, что подошвы каждой пары обуви в той или иной степени обладали этим странным свойством. С учетом того, что он выяснил тайком, было несложно догадаться: Второй господин Шэнь приложил руку к его обуви. Оставалось лишь гадать, что именно там было спрятано — жучок, камера или просто простейшая система определения координат?

У Мин ненавидел это ощущение полной скованности, поэтому каждый раз, тайком уходя, он оставлял обувь в обувном шкафу или же задвигал домашние тапочки под кровать. Других способов избавиться от слежки у него не было.

Правда, отсутствие обуви доставляло ему определенные неудобства, особенно когда приходилось давить на газ. Ему стоило захватить с собой пару-другую сменной обуви, особенно теперь, когда он заранее знал о подобном исходе.

Вжик — шины оставили на асфальте черные следы. У Мин распахнул дверцу машины и направился к группе ожидавших его людей.

Что стоите столбами? У нас мало времени, — У Мин подошел к одному из них и приподнял подбородок. — Есть лишняя обувь? Подойдут и тапки.

Тот опешил, опустил взгляд на белые подъёмы ног У Мина и покачал головой:

— Простите, господин, мы еще не успели подготовиться.

— Ладно, сначала уедем, а там разберемся, — У Мин поджал губы, чувствуя, что эта ночь выдастся не из легких.

Группа послушно последовала за У Мином, и они быстро миновали специальный проход на летное поле аэропорта. Рядом уже был готов самолет. У Мин зябко потер плечи — на его ногах по-прежнему ничего не было.

Но в этот самый момент несколько мощных прожекторов выхватили У Мина и его спутников из темноты. Наряду с этим раздался гул автомобилей и вертолетов, а вокруг замигали синие и красные проблесковые маячки. Из темноты со всех сторон высыпало бесчисленное множество людей в форме, которые плотным кольцом окружили У Мина и его людей.

У Мин прикрыл глаза тыльной стороной ладони от ослепительного света и с перекошенным от злости лицом оглянулся:

— Вы предали меня?

Спутники благоразумно подняли руки:

— Простите, господин, мы не смеем идти против Второго господина Шэня. К тому же мы всегда состояли в его подчинении.

— Ха, верность принципам! Собакам ее скормили, что ли? — насмешливо бросил У Мин. У него было слишком мало времени, он просто не успел обзавестись собственной силой, поэтому чаще всего полагался на услуги крайне скрытных охранных агентств для обеспечения личной безопасности. И это происходило не впервые, но он никак не ожидал, что с самого начала все его действия находились под полным контролем Шэнь Юньсяо.

Какое же отношение испытывал к нему этот мужчина, раз он целый год нежничал с ним и лишь теперь не смог сдержать гнев?

В то же время У Мин впервые испытал совершенно иную эмоцию: он испугался. От этой дрожи, шедшей из самых глубин души, ему стало страшно перед этим человеком. Почему?

Вжи-и-и-к — сверху опустился вертолет, и поднятый им мощный поток воздуха заставил волосы У Мина развеваться на ветру. Разумеется, вертолет приземлился за пределами безопасной зоны.

Стояла черная ночь, но вокруг было светло как днем — если бы только не мигающие красно-синие огоньки.

Папа, почему-то сейчас мне стало страшно. Это что, иллюзия?

[Когда я тебе нужен, ты зовешь меня папой, а когда не нужен — просишь меня назвать тебя папой. Извини, но папа сейчас занят.]

Настанет день, и ты получишь по заслугам.

[Это я и хотел сказать тебе, мой самый дорогой сынок.]

У Мин настороженно уставился на человека, спускающегося из вертолета. Прекрасно: самого Шэнь Юньсяо не было, приехал лишь дворецкий. На лице дворецкого по-прежнему играла та же улыбка, вот только в глазах не было ни намека на веселье.

— Молодой господин, к чему все это? Вы ранили сердце Второго господина, и чего вы этим добьетесь?

У Мин отвернулся, не желая говорить. Попался в лужу по собственной глупости — что ж, он признавал поражение.

— Второй господин ждет вас дома, прошу, — дворецкий отступил в сторону, слегка согнувшись в пояснице и приглашающим жестом указывая на вертолет.

У Мин обвел взглядом тесное кольцо сотрудников охраны и тяжело вздохнув, понял, что всё-таки недооценил влияние Второго господина Шэня.

Стоило ему подняться на борт, как дворецкий по привычке извлек откуда-то пару обуви. Самые обычные повседневные кроссовки, размер в размер — они сидели на У Мине идеально.

— На улице холодно, молодой господин, ходите босиком — того и гляди простудитесь, — мягко произнес дворецкий, казалось, он всегда оставался неизменно обходительным.

У Мин молча посмотрел на обувь, взял ее и выбросил из вертолета.

Дворецкий вздохнул:

— Второй господин особо наказывал: говорил, что впопыхах вы наверняка остались без обуви, и велел захватить их с собой. Он думает о вас больше, чем кто-либо другой. К чему вам упрямиться?

У Мин по-прежнему молчал. Опустив взгляд, он плотно обхватил себя руками. Нет ничего более удручающего, чем осознание того, что ты только собрался развернуться во всю мощь, как вдруг выясняется, что рядом уже есть тот, кто держит в руках весь мир, — и этот человек сейчас зол.

Выдохнув, У Мин посмотрел на проплывавшие внизу пейзажи, и его лицо будто растворилось в наступающей темноте.

Их везли вовсе не в Резиденцию Шэнь, а в какое-то глухое, уединенное горное поместье. Где-то на периферии слуха У Мина слышался шум прибоя — неужели море?

Впрочем, стоило У Мину высадиться из вертолета, как у него пропало всякое желание думать об этом: его заперли в комнате, а лодыжку намертво пристегнули к кровати массивной цепью.

У Мин попытался сорвать цепь, но как он ни дергал, тонкая на вид сталь не поддавалась. Впрочем, неудивительно — иначе чем бы его удержали?

У Мин обошел комнату и выяснил, что длины цепи как раз хватает до ванной, так что свобода передвижения в пределах спальни у него все же оставалась. Папа, твой любящий сын вот-вот окажется в заточении, неужели у тебя не найдется что сказать? Или, может, поможешь мне сбежать? Ужас прошлого заключения У Мин уже прочувствовал в полной мере, и в ближайшее время ему совсем не хотелось испытывать это во второй раз.

Если ты отпустишь меня, я помогу тебе.

Сын, неужели отец и правда слишком сильно баловал тебя? Я уже говорил: я никогда не позволю тебе уйти, если только ты не уничтожишь себя сам.

Тогда я тоже ничем не могу помочь.

Хе.

У Мин тихо усмехнулся и принялся молча ждать в комнате появления Второго господина Шэня. Ему надоело притворяться, но приходилось играть эту роль. Сам он, казалось, от рождения был обделен эмоциями; ему нравилось играть на чужих чувствах ради забавы — словно так он мог хоть немного растрогать собственное сердце, но разве это было возможно?

У Мин прождал в комнате довольно долго, и лишь когда он, уже начиная клевать носом, повалился у кровати и крепко заснул, дверь в комнату медленно отворилась.

На этот раз Второй господин Шэнь вошел, опираясь на трость. Тело его оставалось прежним: он мог ходить, но никогда не смог бы бегать и прыгать, как обычный человек. Вселенная, даруя ему ужасающий талант, неизменно отнимала что-то взамен, например — здоровье.

С приближением шагов Второй господин Шэнь посмотрел на У Мина, который беспокойно спал на постели, и протянул руку, легко проведя пальцами по его лицу.

Долгое время в комнате стояла тишина, прерванная лишь легким вздохом. Что он мог поделать? Да и как ему следовало поступить?

На следующий день, когда У Мин проснулся, в комнате по-прежнему никого не было. Раздраженно пнув кровать, он подумал: что за игры — запереть его здесь и даже не показываться?

Тук-тук...

У Мин машинально повернул голову к двери и увидел вошедшего дворецкого с тележкой для еды на колесиках. На лице того застыла всё та же... фирменная, мягкая улыбка старого лиса.

Маленький господин, пожалуйста, позавтракайте.

А Юньсяо где?

Улыбка дворецкого стала еще шире. Ради того, чтобы удержать маленького господина, Второй

господин задействовал кое-какие ресурсы, и сейчас как раз разбирается с этим. Маленькому господину не о чем беспокоиться.

У Мин опустил взгляд, выглядя несколько угрюмым, но довольно быстро успокоился. Сейчас отношения между ними складывались неловко, и вместо того, чтобы мучиться при встрече, было лучше дать друг другу остыть.

Вот только было бы здорово выйти отсюда. Комната оказалась огромной, но пустой. Потратив уйму времени на поиски, У Мин наконец обнаружил у изголовья кровати какую-то книгу, однако разобрать написанное в ней не смог. Глубокой ночью, когда У Мин уже засыпал и находился в полуднемоте, он почувствовал, как кто-то вошел. Чья-то ледяная рука коснулась его лица и медленно заскользила дальше: миновала подбородок, опустилась на шею, на мгновение замерла и двинулась ниже — к ключицам, груди, продолжая свой путь все ниже и ниже...

— Юньсяо? — сонно пробормотал У Мин, но его губы тут же запечатали поцелуем. Знакомый запах, знакомое тепло, знакомое тело.

Все это время оба хранили молчание, и даже после того, как все закончилось, они не произнесли ни слова.

У Мин просто не знал, что сказать, а Второй господин Шэнь вовсе не хотел говорить. Ему нравилось заниматься этим с У Мином, и лишь после завершения, когда У Мин лежал, прижавшись к его груди, наступал тот самый миг абсолютной покорности. Это порождало в нем иллюзию, будто они — самые близкие и нежные возлюбленные, но все же это была лишь иллюзия.

К утру, когда У Мин проснулся, Второго господина Шэня уже и след простыл. У Мин в раздражении швырнул книгу, лежавшую у изголовья кровати.

Так продолжалось целую неделю: каждую ночь посреди ночи Второй господин Шэнь заходил к нему, они в полуснедавались друг другу, а на рассвете он снова вставал и уходил. Иногда Второй господин Шэнь просто обнимал его, целовал и гладил, и У Мин послушно покорялся. Однако для У Мина такая жизнь была совсем не в радость. Именно из-за того, что он ненавидел это ощущение домашнего ареста, он в своё время и сбежал. Год назад он умолял Второго господина Шэнь отпустить его набраться опыта в миру, но тень этого мужчины всё равно преследовала его повсюду. Его жизнь, его привычки, всё его существо было накрепко опутано тенью этого человека, а каждый его шаг находился под бдительным присмотром.

Его тошнило от этого ощущения полной слежки.

— Юньсяо, — тихо позвал У Мин, прижимаясь к груди Второго господина Шэнь посреди ночи, когда тот снова вошёл в спальню и овладел им.

У Мин знал: только в такие моменты их отношения немного смягчались, и именно тогда с Шэнь Юньсяо было проще всего договориться.

— Мм, — отозвался Второй господин Шэнь. Его широкая грудь вплотную прижималась к спине У Мина. У Мин любил этот способ объятий — порой подставленная спина означала вовсе не доверие, а лишь скрытую оборону.

— Давай... поговорим, — У Мин машинально поднёс большой палец к губам и принялся покусывать его, словно чувствуя своё бессилие. — Давай просто поговорим. Ты ведь не станешь держать меня взаперти всю жизнь, верно?

Второй господин Шэнь ничего не ответил, лишь крепче обнял У Мина. Я вовсе не глуп, с самого начала я знал, что ты повсюду расставил за мной следильщиков, даже в те обуви, что я заказывал для себя, всегда было что-то спрятано, у меня очень чувствительные стопы, — голос У Мина звучал ровно, без грусти и радости, и казалось, от этого он сам слегка тяготился. — Мне не нравится это ощущение. Я знаю, что я тебе нравлюсь, ты не мастак говорить красивые слова, но я понимаю.

У Мин опустил взгляд.

Ты очень балуешь меня, а я снова и снова испытываю твоё терпение, я знаю, что бываю своенравен.

Я признаю, что сблизился с Шэнь Хэцзюем ради мести ему, мне нет дела до жизни и смерти клана У, потому что они для меня слишком чужие, но если бы не Шэнь Хэцзюй, я бы сейчас здесь не оказался. Я очень рад, что встретил Юньсяо, Юньсяо мне нравится, это такое чувство, какого у меня никогда раньше не было, возможно, я ещё молод и не до конца всё понимаю, но я хочу быть с Юньсяо.

У Мин замолчал, повернулся, посмотрел на Шэнь Юньсяо и, слегка покраснев лицом, спросил:

Так скажи, Юньсяо я нравлюсь?

Красивое лицо юноши было чересчур дерзким, а в его глазах таились ожидание и застенчивость. Второй господин Шэнь вовсе не был человеком, не умеющим ценить прекрасное, вот только он не был уверен в происходящем: как и говорил У Мин, тот не умел говорить красиво, но его собственное чутьё было необычайно острым. Впервые он не мог понять, было ли то, что исходило от юноши, искренним признанием или фальшивой ложью.

Ты мне нравишься, а я тебе? — у У Мина защемило в глазах, он слегка нахмурился, словно о чем-то умоляя, а затем медленно закрыл глаза, и одна чистая слеза скатилась из уголка его глаза, канув на подушку с тихим стуком.

Второй господин Шэнь в некоторой растерянности протянул руку, чтобы смахнуть ее, а затем с замиранием сердца поцеловал У Мина в глаза.

Нравишься, — Второй господин Шэнь положил руку на затылок У Мина, а затем с вздохом прижал юношу к себе. — Не просто нравишься, нет, больше, намного больше.

бормотал Второй господин Шэнь. Его голос был очень тихим, похожим то ли на разговор с самим собой, то ли на клятву; даже если он падет от рук этого юноши, он смирится.

Уголки губ У Мина приподнялись, и он уткнулся лицом в грудь Второго господина Шэня, казалось, испытывая предельное блаженство.

Дзинь! Уровень благосклонности — 100.

Услышав подсказку системы, У Мин бросил лукавый взгляд. Смотрите-ка, он победил: победил ли он систему или Второго господина Шэня, он победил в любом случае.

На следующий день после того ночного разговора У Мин обнаружил, что цепи на его ногах сняты, а рядом приготовлены одежда и обувь. Впрочем, когда У Мин обулся, он всё равно ощутил внутри какой-то подвох — ну надо же, какой упрямый и охваченный жадой контроля мужчина.

Впервые с тех пор, как он оказался здесь, У Мин вышел на улицу. Он не ошибся в своих догадках: это место действительно располагалось у моря. Широкий песчаный пляж и бескрайний океан доставляли У Мину особое удовольствие — ему нравились вещи без границ, какими бы они ни были.

Пробыв здесь неделю, У Мин завел речь о том, что ему пора возвращаться. Второй господин Шэнь всегда выполнял любые требования У Мина, к тому же теперь их отношения с У Мином и впрямь стали гораздо ближе. Изначально Второй господин Шэнь вовсе не собирался держать У Мина здесь вечно, а раз уж У Мин сам заговорил об этом, он, естественно, отпустил его обратно.

Казалось, они просто съездили в отпуск, и после возвращения всё осталось по-прежнему, за исключением того, что У Мин больше не жил на стороне, а поселился прямо в Резиденции Шэнь. К тому же У Мин больше не скрывал то, что создавал, да и авторитет Второго господина Шэня действительно позволял ему действовать куда свободнее.

Однако больше всего У Мина теперь заботило то, как поступить с Линь Вэньму. Сначала У Мин планировал оставить Линь Вэньму при себе: в конце концов, на том лежала печать удачи главного героя, и даже если через пару лет, наигравшись с этим миром, У Мин уйдет, оставив Линь Вэньму подле Второго господина Шэня, это помогло бы последнему переносить дела гораздо легче и спокойнее. У Мин всегда отличался изрядной щедростью к каждому из своих любовников, хотя, разумеется, его симпатия и пресыщение всегда шли рука об руку.

Только вот теперь, судя по всему, стоило подумать дважды, ведь Второй господин Шэнь терпеть не мог Линь Вэньму и лишь ради У Мина не дал тому исчезнуть. Но ведь так быть не должно! По изначальному сюжету Второй господин Шэнь как раз из-за Линь Вэньму избавился от прежней обиды на клан Шэнь и даже весьма благоволил Линь Вэньму. Эффект бабочки?

Несмотря на это, У Мин всё же не собирался просто так отпускать Линь Вэньму. Во-первых, тот был главным героем, куда ни ступи — удача следовала за ним по пятам и приносила немалую пользу окружающим. А во-вторых, Линь Вэньму в конце концов был должен ему денег — по правде говоря, порой У Мин бывал невероятно придирчив в расчетах.

Поэтому У Мин оставил Линь Вэньму в той усадьбе, где жил прежде, и четко дал ему понять: стоит тому написать сотню картин, как все их взаимные долги будут полностью аннулированы. Подобное требование У Мин выдвинул потому, что живописная техника Линь Вэньму и впрямь была безупречна; пусть его манера письма пока еще отдавала некоторой юношеской неопытностью, но спустя пару лет он определенно сможет встать на самую вершину мира искусства.

Ты просто самовлюблен, если бы Линь Вэньму нарисовал тебя некрасиво, ты бы ни за что его не оставил.

Мой дорогой сынок, ты так долго не подавал голос.

<http://bllate.org/book/21658/2234879>